

БОРИС
АКУНИН
[АННА
БОРИСОВА]

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Серия «Та Сторона: романы Анны Борисовой»

Оформление — *Ольга Закис*
Рисунки — *Александры Николаенко*

Акунин, Б. (Анна Борисова)
А44 Там... : [роман] / Борис Акунин. — Москва : Издательство
АСТ, 2022. — 288 с. — (Та Сторона: романы Анны Борисовой).

ISBN 978-5-17-145389-3

«Там...» — это роман-предположение о том, что ожидает каждого из нас по Ту Сторону. Герои романа проделывают этот роковой путь всяк по-своему. Одни — дорогой, которая проложена христианством, исламом или буддизмом. Другие более причудливыми маршрутами. Хотите узнать, что сулят человеку Вера и Безверие? Тогда эта книга, одновременно познавательная, страшная и смешная, для вас.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

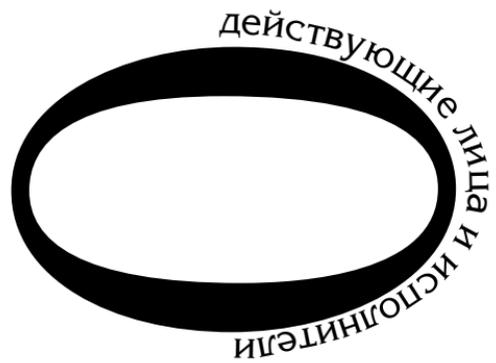
ISBN 978-5-17-145389-3

© В. Akunin, 2022
© А. Николаенко. Илл., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

содержание

0 действующие лица и исполнители	.....	7
1 АКТ	.....	81
2 АКТ	.....	99
3 АКТ	.....	195

АННА

элегантная дама, 45 лет

Отрешенный, не вполне земной голос, каким в аэропортах делают объявления только по ночам, пригласил пассажиров рейса Москва—Лагос на посадку.

У Анны включилось ассоциативное мышление с твердой установкой на позитив. Лагос в Африке. Кого из африканцев мы любим? Пушкина.

Решила выпить за Пушкина. Он молодец. Правильно сформулировал. Счастье — фижня собачья. Покой и воля гораздо лучше.

Но ассоциативный ряд удлинился, тема тоста помещалась на ходу.

— За освобожденные народы Африки.

Мальчик за барной стойкой замигал телячьими ресницами.

— В каком типа смысле?

Не та генерация. Спроси его, кто такие Патрис Лумумба или Чомбе, предположит, что рэперы. Или растаманы.

В зрелые годы нужно выбирать собеседников из своей возрастной категории. Общие воспоминания, общий язык, общие шутки. А главное, все понятно без объяснений. Одна Аннина знакомая, лесбиянка Фиона из Нью-

Йорка, тоже историк, в расслабленной обстановке, после джойнта, говорила, что именно в этом главная привлекательность однополый любви. Не надо ничего объяснять, не надо прикидываться. Тебя стопроцентно понимают, как не сможет понять ни один мужик, даже самый тонкий и умный. Слушать Фиону было интересно, но когда пролесбиянский дискурс перешел в фазу актуализации, Анна отодвинулась и поменяла тему. Быть объектом гомосексуального желания ей *не улыбнулось*, как говорили во времена ее студенчества. Или, как выражались ее нынешние студенты, не покатило.

“Объект желанья”. Термин из Аннинных колониальных времен.

Незабвенный Ю.А. любил порассуждать о сущностной противоположности корневых гендерных установок. Главный женский афродизиак — чувствовать себя объектом вожделения. Женщине очень важно быть желанной, возбуждающей страсть. У мужчины наоборот: ему нужно желать и добиваться.

Философ, блин. Светило гуманитарной науки. Изрекал свои банальности с таким небрежным видом, будто мечет бисер перед хрюшкой, а она, дурочка, только замирала. Как глубоко, как точно!

Многие мысли Ю.А. когда-то казались Анне все-таки сильными, потому что верными. Ха! Вот еще одна шутка, которой юный бармен сто пудов не поймет.

— Ю.А., you are history¹, — скаламбурила Анна вслух, любуясь на свое щекастое отражение в пустом бокале.

---

¹ Ю.А., тебя больше нет (англ.).

— Who is history?

Мальчик знает английский. Международный аэропорт, не хухры-мухры.

— Анкора, — перешла она на итальянский.

И опять он, умничка, понял. Снова налил. Лимончик положил. Воткнул свежую соломинку. Хорошую мы все-таки вырастили молодежь.

Положив подбородок на ладонь, она благосклонно рассматривала молодого человека.

Совсем дитё. Такие учатся курсе на третьем-четвертом. Черная бороденка клинышком, в ухе алмазная серьга. Страз, наверно. Или просто стекляшка.

Именно такие мальчики, худенькие и востроглазые, обычно навещали Анну в эротических сновидениях. Сон, уже после разрядки, заканчивался всегда одинаково. Щупленький любовник прижимался к ее груди, а переполненная нежностью Анна гладила его по тонкой шейке и целовала в макушку. Диагноз ясен безо всякого Фрейда. Подсознание вытесняет образ мужчины-отца образом мужчины-сына. Вторая версия, народно-пасторальная: яловая корова тоскует по нерожденному теленку.

Анна фыркнула, потому что именно в этот момент брюнетик, у которого руки были заняты, мотнул головой, отгоняя муху. Как есть теленок!

Алкоголь определенно пробуждал в ней нерастратенный материнский инстинкт. Захотелось сказать несмышленьшу что-нибудь доброе и мудрое.

— Юноша, у меня есть для вас хорошая новость. — Анна поправила очки и сделала торжественное ли-

цо. — Знайте: у мужчины больше шансов найти счастье, чем у женщины. Потому что женщин, умеющих любить, на свете гораздо больше, чем мужчин, достойных любви.

— Честно? — равнодушно сказал бармен.

В его глазах читалось: наклюкалась тетка.

Еще не наклюкалась, сынок, с достоинством возразила Анна, мысленно. Но это придет. Жди.

Джин энд тоник средство проверенное. Ни разу не подводило. Секрет успеха в величине дозы. Нужно пять коктейлей. Пока выпито три. Три пишем, два в уме.

Диктор по-английски воззвал к какому-то вылетающему в Женеву мистеру, которого срочно ожидают у гейта двенадцать. Неведомый мистер, наверное, тоже мандражирует где-нибудь в укромном закутке аэропорта.

Больше всего на свете Анна боялась летать.

Раньше этот страх у нее был на втором месте. Первое с большим-пребольшим отрывом занимал страх, что Ю.А. ее бросит. Семь лет назад главный кошмар ее жизни осуществился, и бояться стало нечего. Разве что перелетов. В момент, когда шасси отрывалось от взлетной полосы, Анну всегда охватывал животный ужас, который так называется, потому что поднимается из живота. По-нормальному дышать становится невозможно. То одни вдохи, то одни выдохи. Чейн-Стокс, а не дыхание.

Единственное, что помогало, это как следует натраться. Сделать местную анестезию. Чем Анна в настоящий момент и занималась.

Ирония судьбы заключалась в том, что теперь, когда Аннина карьера пошла в гору, летать приходилось все чаще.

В советские времена считалось, что историк не женская профессия. Ю.А. заявлял, что у женщин нет чувства времени, для них существует одно вечное “сейчас”. Теперь Анна возразила бы ему. Зато для нас всякое время живое. Если мы в него погружаемся, мы начинаем его чувствовать, а вам этого не дано.

Когда на бывшую рабу любви свалилась непрошенная свобода, Анна сначала, конечно, впала в нервное расстройство. Чуть было руки на себя не наложила, курица несчастная. Но как-то выжила. Огляделась, прислушалась к себе.

Что-то в ней уснуло, и, наверное, навсегда. Но что-то и проснулось. А именно башка.

На факультете, Анна знала, про нее за глаза говорят: не баба, конь с яйцами. Насчет яиц врать не станем, но мозги точно есть. Откуда ни возьмись закопошились мыслишки, научные идеи. Не брошенные с барского плеча великим Ю.А., а собственные.

Как раз и времена поменялись. То, что раньше было гандикапом, обернулось бонусом. Женщину-историка, особенно русскую, охотнее приглашают на международные конференции. Если вдуматься, в этом есть что-то унижительное. Любой научный чих, который, раздайся он из уст мужика, вызвал бы максимум сдержанную похвалу, исторгнутый женщиной-историком воспринимается на ура. Слава феминизму и да здравствует политкорректность!

Анне тут предложили возглавить кафедру. Раньше она бы испугалась, замахала руками. Ответственность, административная работа, склоки всякие. А теперь подумала: почему нет? Вернется с конференции, нужно давать ответ. Пожалуй, единственный минус, что придется иногда видеть Ю.А. Все эти годы, узнав, что он будет на симпозиуме или на какой-нибудь научной тусовке, Анна уклонялась от участия. Завкафедрой себе такого позволять не сможет.

Семь лет она его не видела, с тех пор как ушла со старой работы на преподавание. Только пару раз по телевизору. Скоро семьдесят лет мужику, а все еще хорош. Красивый, маститый. Ну и умный, конечно. Это с годами тем более не проходит. Даже на экране видеть его было больноватенько. А наяву?

Ничего. Пускай и он на нее посмотрит.

Так замечательно Анна не выглядела и в двадцать два, когда пришла по распределению в отдел и сразу же, с самого первого дня, влюбилась в начальника. Безоглядно и навсегда. Как говорят ее студенты, *без тормозов*. Обидно, когда твоя жизнь укладывается в пошлый сюжетец из женской прозы. Пересказывается одним предложением: поморочил женатик девке голову лет на дцать, до первого своего инфаркта, а потом образумился и вернулся к благоверной, брошенка же превратилась в старуху у разбитого корыта.

В женщину бальзаковского возраста, поправила себя Анна. Со времен Бальзака средняя продолжительность жизни увеличилась вдвое. Сегодня в бальзаковском возрасте, то есть в поре зрелого женского

расцвета, пребывают Шэррон Стоун, Изабель Аджани, Мадонна, а им всем вокруг полтинника. Нам до этих возрастных высот еще пять лет карабкаться.

Во времена Ю.А. была Анна академической мышкой с хвостиком. Натуральным, какой резинкой стягивают. Черт-те как одевалась. А сколько лет промучилась с контактными линзами! Пока умные люди не объяснили, что правильно подобранная оправа — самый лучший способ подправить недостатки лица.

“Умные люди” работали в парижской фирме “Индис”, сокращенное от Individual Styling. Как по-русски сказать? Поиск индивидуального стиля? Это совершенно новый, еще только зарождающийся бизнес с огромным будущим. Не путать с имиджмейкерами. Те подгоняют клиента под некий заданный имидж. Индисты, наоборот, ищут твой собственный образ. Так сказать, шьют костюм по фигуре. Анне, например, казалось теперь, что она всегда была именно такой: уверенной, элегантной и чуть-чуть стервозной.

Психологи, визажисты и дресс-дизайнеры из “Индиса” целую неделю тебя выспрашивают, разглядывают, анкетируют, тестируют, а потом создают твой собственный индивидуальный стиль. Как одеваться, какую носить прическу, какую косметику, какую обувь и прочее, и прочее. Анна в ту пору читала спецкурс по российскому консерватизму в Paris IV. Весь гонорар убухала на поиски стиля. Более разумно потраченных десяти тысяч не знавала история человечества.

— Плесни-ка еще женщине бальзаковского возраста.